

Даниэль
ПЕННАК

**МАЛЕНЬКАЯ
ТОРГОВКА
ПРОЗОЙ**

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2018

УДК 821.133.1
ББК 84(4)
П25

Daniel Pennac
LA PETITE MARCHANDE DE PROSE

Перевела с французского

Нина Калягина

Дизайнер обложки

Александр Андрейчук

Художник

Валерия Камелькова

Пеннак Д.

П25   Маленькая торговка прозой : [роман] / Даниэль Пеннак; [пер. с франц. Н. Калягиной] — СПб. : Аркадия, 2018. — 512 с. — (Серия «Французский детектив»).

ISBN 978-5-906986-38-2

Писательство — мирное ремесло до той поры, пока у автора не отнимают заслуженную славу. Но вот уже по Парижу несутся автомобили полиции и «скорой помощи»... В третьем романе саги о профессиональном «козле отпущения» Бенжамене Малоссене ее главный герой едва не лишится жизни и почти всех органов, а на Землю спустится самый настоящий ангел.

УДК 821.133.1

ББК 84(4)

© Éditions Gallimard, Paris, 1989

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Аркадия», 2018

ISBN 978-5-906986-38-2

Я емь кто-то другой, но это уже не я.

Кристиан Мунье

I. Козел отпущения

— У вас редкий порок, Малоссен, — вы страдаете.

Все началось с фразы, что внезапно промелькнула у меня в голове: «Смерть — процесс прямолинейный». Слишком резко, такие выражения привычнее, кажется, слышать на английском: *Death is a straight on process...* что-то в этом роде.

Я как раз пытался вспомнить, где вычитал это, когда в мой кабинет ввалился верзила. Еще не успела захлопнуться дверь, а он уже навис надо мной:

— Вы Малоссен?

Под покровом плоти угадывается огромный остов позвоночного. Руки — что огромные дубины; по уши зарос бородой.

— Бенжамен Малоссен — это вы?

Перегнувшись дугой через мой стол и вцепившись в подлокотники кресла, он буквально держал меня в плену. Какой-то каменный век, честное слово. Припаянный к спинке кресла — голова ушла в плечи, — я не решался подтвердить, что это и в самом деле я. И все продолжал лихорадочно вспоминать, где нашел эту фразу: «Смерть — процесс прямолинейный» — на английском, на французском, в переводе...

Тут он решил выровнять нас в росте: одним толчком оторвал меня вместе с креслом от пола и поставил перед собой прямо на стол. И даже в этом

положении он все еще возвышался на целую голову, не меньше. Из-под густых сердитых бровей меня сверлили его кровожадные глазки, рылись в моем сознании, словно он там ключи искал.

— Вас это забавляет — издеваться над людьми?

У него был до странности тонкий голосок с надрывом, который ему самому, вероятно, казался устрашающим.

— Да?

А я там, наверху, на своем троне, не в состоянии думать ни о чем, кроме этой дурацкой фразы. Ни изящества... Вообще ерунда. Какой-нибудь француз решил продемонстрировать свое владение английским в американском варианте. Да где же я ее прочитал?

— И вы, значит, не боитесь, что кто-нибудь явится свернуть вам башку?

Руки его, сжимающие подлокотники, дрожали. Эта дрожь передавала глубокую вибрацию всего тела — нечто вроде обвалов, возвещающих о землетрясении.

Одного телефонного звонка оказалось достаточно, чтобы разразилось стихийное бедствие. Зазвонил телефон. Приятные плавные переливы современных телефонов — с запоминающим устройством, с программным обеспечением, с определителем номера — на любой вкус.

Аппарат разлетелся под кулаком громилы.

— Да заткнись ты!

Я вдруг представил свою начальницу, Королеву Забо, там, на другом конце провода, по пояс вбитую в землю этим мощным ударом.

После чего гигант завладел моей прекрасной замдиректорской лампой и, сломав о колено ее ножку из редкого экзотического дерева, заявил:

— Вам и в голову не приходило, что явится такой вот, вроде меня, и разнесет здесь все на куски?

Вероятно, один из тех бешеных, у которых действие всегда опережает слова. Не успел я и рта раскрыть, как ножка от лампы, обретя свое природное назначение дубины, уже обрушилась на компьютер, экран которого разлетелся тусклыми осколками. Еще один провал в памяти человечества. Не удовлетворившись этим, мой великан принялся молотить по консоли, пока воздух не наполнился символами первичного хаоса, предшествовавшего мировому порядку вещей.

Бог мой, позволь я ему, мы точно оказались бы отброшенными в доисторические времена.

Я его больше не интересовал. Он опрокинул стол Макон, секретарши; ящик, набитый скрепками, печатями и лаками для ногтей, от его пинка разлетелся вдребезги, попав в простенок между двумя окнами. Затем, вооружившись напольной пепельницей, грациозно покачивавшейся на своей свинцовой полусфере уже не один десяток лет, он методично

разделал книжный шкаф напротив. Далее взялся за книги. Кусок свинца творил опустошительные разрушения. Этот дикарь, вероятно, инстинктивно тянулся к примитивным орудиям. С каждым ударом он испускал какой-то ребячий визг, один из тех воплей бессилия, которые, верно, и составляют музыкальное сопровождение убийств на почве ревности: размазываешь благоверную по стенке, гнусаво ноя, как сопливый трехлеток.

Книги взлетали и падали замертво.

Нужно было остановить эту бойню. Как? Выбирать не приходилось.

Я встал. Поднял поднос с кофе, который Макон принесла, чтобы утихомирить предыдущих скандалистов (шестерых печатников, которых моя снисходительная патронесса выставила на улицу за то, что они просрочили на неделю заказ), и запустил им в застекленный книжный шкаф, в котором Королева Забо выставляла свои лучшие переплеты. Пустые чашки, наполовину еще полный кофейник, серебряный поднос и осколки стекол прогрохотали достаточно внушительно, чтобы громила застыл с пепельницей над головой, а потом повернулся ко мне.

— Что вы делаете?

— То же, что и вы, — общаюсь.

И метнул через его голову хрустальное пресс-папье, подарок Клары на мой прошлый день рождения. Пресс-папье в форме собачьей головы, слегка

напоминавшей морду нашего Джулиуса (Клара, Джулиус, простите), попортило фасад почтеннейшего Талейрана-Перигора¹, тайного учредителя издательства «Тальон» еще в те времена, когда (как, впрочем, и по сей день) для сведения счетов с соседом перо стало действенное шпаги.

— Вы правы, — пояснил я, — если нельзя изменить мир, нужно изменить хотя бы обстановку.

Он выронил пепельницу, и то, что должно было случиться, наконец произошло: он разрыдался.

Это его добило. Он походил сейчас на одну из тех деревянных кукол, которые разваливаются, если нажать снизу на их подставку.

— Подойдите.

Я снова сел в свое кресло, которое все еще стояло на столе. Он приблизился, пошатываясь. Зажатый между жилами на его шее кадык метался как бешеный, выплескивая горечь обиды. Знакомая картина. Подобные огорчения мне приходилось наблюдать довольно часто.

— Ближе.

Сделав два-три шага, великан оказался лицом к лицу со мной. Он был весь мокрый от слез, даже волосы.

— Извините меня.

---

¹ Шарль Морис Талейран-Перигор (1754–1838) — французский политик, выдающийся дипломат, мастер тонкой интриги.

Он вытирал лицо кулаками. Даже пальцы у него были волосатые.

Я положил руку ему на затылок и привлек его голову к себе на плечо. Мгновение он упирался, а потом послал все к чертям.

Одной рукой я придерживал его голову у себя на плече, другой — гладил по волосам. Моя мать всегда так делала, и я сумел: что здесь такого?

В открывшейся двери показались секретарша Макон и мой друг Лусса с Казаманса², сенегалец, метр шестьдесят восемь ростом, с глазами спаниеля и ногами Фреда Астера³, несомненно, лучший специалист по китайской литературе в столице. Они увидели то, что и должны были увидеть: редактор сидит на своем столе и успокаивает великана среди руин недавнего погрома. В глазах Макон читался ужас от причиненных убытков, Лусса, также взглядом, спрашивал, не нужна ли помощь. Я подал им рукой знак — удалиться. Дверь бесшумно затворилась.

Великан все рыдал. Слезы катились по моей шее, я промок до пояса. Пусть выплачется, я не топлюсь. Терпение утешающего объясняется тем,

---

² Казаманс — река в Сенегале.

³ Фред Астер — американский киноактер, танцор-степист и певец первой половины XX века.

что у него своих собственных неприятностей полно. Плачь, дружище, мы все в этом по уши, твои слезы погоды не сделают.

И пока он опорожнял свои колодцы мне за шиворот, я задумался о свадьбе Клары, любимой сестры. «Не грусти, Бенжамен, Кларанс просто ангел». Кларанс... что за имя такое? «Ангелу шестьдесят лет, дорогая, он старше тебя в три раза». Бархатный голосок моей девочки: «Я только что сделала двойное открытие, Бенжамен: у ангелов есть пол и нет возраста». — «И все же, Кларочка, все же ангел — директор тюрьмы...» — «Который превратил свою тюрьму в рай, Бенжамен, не забывай об этом!»

У влюбленных девчонок на все есть ответ, а старшие братья остаются со своими заботами: моя любимая сестра завтра выходит замуж за тюремщика, еще и главного. Неплохо, да? Если приписать сюда мамашу, которая вот уже несколько месяцев как сбежала с полицейским и от любви, верно, впала в беспамятство, так как даже ни разу не позвонила за все это время, получается довольно милый портрет семейки Малоссенов. И это уже не говоря о прочих братьях и сестрах: Тереза предсказывает по звездам, Жереми устроил пожар у себя в коллеже, Малыш — мечтатель в розовых очках, любой кошмар становится для него явью, наконец, Верден, самая младшая, оглушает всех своими воплями